

§13 РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Бесков А.А., Кочеганова П.П.

ОБРАЗ РУССКОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности изображения феномена русского неоязычества в российской прессе за период с 2002 по 2014 г. Авторы интересуют вопросы, связанные с манерой подачи журналистами информации о данном явлении, степень объективности и достоверности этой информации, специфика источников, которыми пользуются журналисты, основные информационные поводы, провоцирующие появление статей о неоязычестве, возможность выявления целенаправленных информационных кампаний по его дискредитации либо пропаганде. Главным вопросом, однако, является возможность и целесообразность использования учёными публикаций в прессе в качестве источника эмпирического материала о русском неоязычестве. Для ответов на поставленные вопросы используется метод контент-анализа публикаций, дающих читателям возможность получить какие-то знания об этом явлении, сформировать некую позицию в отношении него. При проведении исследования не формировалась какая-либо выборка, анализу подверглись все найденные материалы, соответствовавшие этому критерию. Подобные исследовательские задачи прежде никем не формулировались. Полученные нами данные позволяют сделать следующие выводы: хотя в настоящее время русское неоязычество не является предметом пристального внимания российской прессы, всё же заметна некоторая тенденция к увеличению числа публикаций о нём; образ русского неоязычества, сложившийся в российской прессе, имеет преимущественно негативный характер; причиной формирования такого образа является недостаточно тщательная проработка журналистами того материала, который попадает в их распоряжение, недостатки*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01247
(«Комплексное историко-религиоведческое изучение феномена русского неоязычества»).*

религиоведческой подготовки журналистов, расплывчатость самого понятия «неоязычество». Исходя из этого, признать рассмотренный вид источников релевантным исследовательским задачам учёного-религиоведа не представляется возможным.

Ключевые слова: русское неоязычество, родноверие, контент-анализ, российская пресса, СМИ, религиоведение, псевдоязычество, квазиязычество, неонацизм, русский национализм.

Abstract. This article examines the peculiarities of the phenomenon of the Russian Neopaganism in the Russian media during the period of 2001-2014. The authors analyze the questions associated with the manner of presentation of information on the aforementioned phenomenon by the journalists, the level of objectivity and trustworthiness of this information, specificity of the sources used by the journalists, as well as the major information reasons provoking the emergence of the articles on Neopaganism and the possibility of determination of the targeted information campaigns regarding its discredit or propaganda. However, the main question is the possibility and purposefulness of using the media publications by the scholars as the source of empirical material on the Russian Neopaganism. The acquired data allows making the following conclusions: although at the present stage the Russian Neopaganism does not represent the subject of peculiar attention of the Russian media, we can observe a certain trend in the growth of the number of publications on this matter; the image of the Russian Neopaganism formed in the Russian media carries mostly negative character; the cause for the formation of such image lies in the insufficient research of the material by journalists, as well as lack of religious studies training, and the “diffusion” of the notion of “Neopaganism” itself. Based on the above, it seems impossible to recognize the examined type of sources relevant to the research tasks.

Key words: religious studies, mass media, Russian press, content analysis, Native faith, Russian Neopaganism, pseudopaganism, quasipaganism, Neo-Nazism, Russian nationalism.

Несмотря на то, что в нашей стране ежегодно выходит значительное количество публикаций на религиоведческую тематику, научных работ, посвящённых анализу того, каким образом отечественные масс-медиа освещают вопросы, связанные с религией, крайне мало. Если же такие работы и появляются, то в большинстве случаев они затрагивают лишь проблемы репрезентации средствами массовой коммуникации тех или иных аспектов религиозной жизни православных и мусульман. Таким образом, специфика освещения средствами массовой коммуникации других религий остаётся на периферии исследовательского интереса российских учёных. В полной мере этот тезис относится и к такому примечательному религиозному феномену современности, как русское неоязычество. Между тем, анализ публикаций в прессе на эту тему может предоставить в распоряжение учёных ценную информацию. Здесь стоит подробнее остановиться на актуальности данной статьи и исследовательских задачах, которые поставили перед собой её авторы.

В русскоязычной научной литературе наблюдается выраженный интерес к русскому неоязычеству. Это могло бы вызвать удивление, так как на сегодняшний день оно не является хорошо организованным, массовым и влиятельным религиозным движением. Однако есть существенное обстоятельство, которое неизменно привлекает внимание к этому явлению – это его притязания на подлинно национальный, исконно русский характер, претензия на истинную (в пику прочим религиям) традиционность, укоренённость на русской почве. Учитывая, что «русский вопрос» с недавних пор перестал восприниматься государством как маркер маргинального общественно-политического дискурса и превратился в значимый фактор государственно-конфессиональных отношений, потенциальный вес русского неоязычества, которое одно способно оспаривать роль православия как культуuroобразующей русской религии, возрастает [4, с. 467–477]. При этом не стоит недооценивать привлекательность этого религиозного движения для россиян, ссылаясь на данные социологических опросов, где язычники

как категория верующих обычно не представлены. Хотя по данным различных социологических опросов большинство россиян относят себя к православным, в то время как данных о численности русских неоязычников эти опросы не дают, что создаёт впечатление тотального преимущества православия и отсутствие какой-либо значимой перспективы у неоязычества, эти данные не должны вводить нас в заблуждение. Социологи неоднократно отмечали тот факт, что далеко не каждый россиянин, относящий себя к православным, верит в бога [15; 19; 27]. И хотя в своей официальной риторике православные иерархи говорят о торжестве православия в постсоветской России, православно ориентированные исследователи более пессимистичны. Так, А. Б. Алиева отмечает, что для современных россиян понятие «православие» слабо увязывается с понятием «христианство» и к первому обществу относится гораздо позитивнее, чем ко второму. Связано это с тем, что православие соотносится в массовом сознании в значительной степени с национальной (русской) идентичностью, а не с определённым набором религиозных истин. В итоге А. Б. Алиева несколько раз отмечает близость религиозных представлений, свойственных большинству тех, кто считает себя православным, с язычеством [2, с. 148, 151, 153]. Дополнительную неопределённость данным социологов придаёт то обстоятельство, что само слово «православие» в современной России порой может служить неким эвфемизмом, означающим исконную веру славян, первоначальное название которой (образованное от слов «славить Правь» [25, с. 129–137]) было впоследствии якобы узурпировано пришедшей на Русь христианской церковью. Таким образом, православными себя могут называть люди, которые с точки зрения и Русской православной церкви, и ряда учёных являются неоязычниками. Ещё больше осложняет ситуацию использование некоторыми из них (в частности, представителями так называемой Древнерусской Инглистической церкви православных староверов-инглингов [32]) применительно к себе определения «староверы», что делает затруднительным их отделение от христиан-старообрядцев без тщательной настройки исследовательского инстру-

ментария. Язычниками же (тем более неоязычниками) себя готовы назвать далеко не все те, кого учёные причисляют к этой категории, что также, несомненно, должно сказываться на результатах опросов. Таким образом, реальная численность тех, кого можно отнести к русским (именно к русским!) неоязычникам, может быть гораздо больше, чем готовы допустить социологи, а значит интерес исследователей к феномену русского неоязычества, при всей аморфности последнего, вполне оправдан.

Рассмотрение особенностей отражения этого феномена современной российской прессой актуально сразу по нескольким причинам.

Во-первых, исследователи этого феномена стеснены в выборе материала для исследования. Разумеется, что если мы имеем дело с живым, активно развивающимся явлением, то на первый план в исследовательских стратегиях должны выходить социологические методы исследования – интервьюирование, анкетирование, включённое наблюдение. Однако их применение осложняется замкнутостью неоязыческой среды, а также очевидной её разнородностью. Даже если учёные преодолевают первую из этих преград и проводят все необходимые исследования в тех или иных неоязыческих общинах, мы не можем быть уверены в том, что полученные результаты могут быть экстраполированы на всё неоязыческое движение в целом, так как не имея управляющего центра и единой доктрины оно развивается стихийно и разнонаправлено. Выходом из данной ситуации могло бы стать изучение по единой методике большей части известных на данный момент неоязыческих объединений, с тем, чтобы на основании этого создать некую обобщённую модель явления, но учитывая грандиозные размеры нашей страны, по территории которой эти объединения разбросаны, организация соответствующих экспедиций весьма затруднительна. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при изучении неоязычества исследователи активно используют любые доступные им материалы, среди которых видную роль играют сообщения прессы. В качестве примера можно привести недавнюю монографию В. А. Шнирельмана, в которой автор широко использует такого рода источники [30]. Однако в книге

мы не находим анализа специфики этих источников – вопросы о том, насколько материалы прессы объективны, информативны, точны, автором не рассматриваются. Данная статья призвана заполнить этот пробел.

Во-вторых, анализ того, как на протяжении ряда лет в прессе изображается интересующее нас явление, может выявить целенаправленные информационные кампании, направленные на дискредитацию, либо, напротив, формирование его положительного имиджа. Это важно, учитывая бытование в сети Интернет неизбежного мотива «неоязычество и спецслужбы», превратившегося в некое «интернет-предание». Этот мотив находит своё выражение в различных, противоречащих друг другу версиях: возникновение русского неоязычества было инспирировано западными спецслужбами в качестве идеологической диверсии против российского государства и общества; неоязычество родилось в недрах КГБ с целью противостоять православному «ренессансу»; русское неоязычество находится под постоянным прессингом ФСБ, которая видит в нём сильнейшего конкурента пользующейся поддержкой государства РПЦ. Как это обычно и бывает с конспирологическими теориями, ни одна из приведённых точек зрения не подкрепляется конкретными фактами. Между тем, выявление информационных кампаний в поддержку или против неоязычников способно в некоторой степени поколебать или подтвердить такие версии.

В-третьих, изучение заявленной темы важно в контексте проблемы взаимодействия медиа и религии. Религиозная журналистика в нашей стране является молодым жанром, а журналисты часто подвергаются критике за непрофессиональное освещение религиозных сюжетов. Эта критика исходит обычно с двух сторон – непосредственно от верующих и от представителей различных профессиональных сообществ (научного, журналистского, надзорно-управленческого). Особо отмечается при этом негативная роль СМИ, связанная с разжиганием религиозной ксенофобии, формированием неприязни к некоторым (чаще всего новым, «нетрадиционным») религиозным движениям, их огульными обвинениями в экстремизме [23],

некорректным употреблением слова «секта», превратившегося в жупел для обывателей [13]. Предпринимаются некоторые попытки исправить эту ситуацию путём повышения религиозно-ведческой подготовки журналистов, фиксации их внимания на типичных журналистских ошибках [21]. Данная статья способна внести свою лепту в это начинание.

Исследование строится на контент-анализе публикаций российской прессы, в которых так или иначе затрагивается тема русского неоязычества (даже если эта тема не является основной). В рамках данного исследования под неоязычеством понимается совокупность лиц, общественных объединений, а также взглядов и действий, объединённых стремлением к возрождению древних дохристианских мировоззренческих установок, верований и обрядовых практик, в научном обиходе называемых язычеством. Прилагательное «русское» локализует два измерения, в рамках которых существует это явление: географическое – то есть речь идёт о неоязычестве русском, и этнокультурное – имеется в виду его тяготение к возрождению древнерусских (восточнославянских) дохристианских представлений. Таким образом, используемый нами термин не равнозначен терминам «русское неоязычество» (которым можно обозначать и, например, возрождение марийских или мордовских традиционных верований) и «славянское неоязычество» (которым можно описать возрождение дохристианских традиций в странах со славянским населением – в Чехии, Польше и т. д.). Не равнозначен он и термину «родноверие», успешному войти в научный и журналистский обиход. Родноверие является, фактически, синонимом славянского язычества, так как используется в качестве самоназвания язычниками из многих славянских стран. Стоит заметить, что, поскольку неоязыческая среда не однородна, единой неоязыческой идентичности не сформировалось, и одни неоязычники могут обвинять других в «псевдоязычестве». Однако журналисты, как, впрочем, и большинство учёных, описывают это явление как нечто цельное.

Критерием отбора публикаций для анализа служила возможность для читателя получить какие-то знания об этом явлении, сделать на осно-

ве изложенной информации какие-либо умозаключения о его характере, сформировать некую позицию в отношении него. Например, если мы читаем в статье, что «некоторые рокеры являются язычниками» и из контекста понимаем, что речь идёт о представителях русского неоязычества, но не находим более никакой информации, позволяющей читателю сформировать своё мнение относительно последнего, подобный материал не учитывается. Но, разумеется, мы не можем пройти мимо текста, содержащего, например, такой фрагмент: «Сегодняшние «родноверы», которые якобы отстаивают «интересы русских» – такое же вырожденческое направление в настоящем русском движении, как ваххабизм в исламе» [11].

При проведении исследования мы не формировали какой-либо выборки, включая в свою базу данных и подвергая анализу все найденные материалы, соответствовавшие упомянутому критерию. При этом не учитывались дубли, то есть перепечатки оригинальных статей другими изданиями. Если оригинальная статья оказывалась недоступна, то в расчёт бралась наиболее ранняя, либо наиболее полная републикация. Работа по сбору материала продолжалась с осени 2014 г. по февраль 2015 г., таким образом, наиболее поздние из обработанных нами публикаций датированы 2014 г. Нижней хронологической границы при сборе материала мы не задавали, однако наиболее ранние из собранных нами публикаций относятся к 2002 г.

Поиск публикаций для анализа осуществлялся по нейтральным поисковым запросам: «язычество», «неоязычество», «родноверие», «родная вера». Сознательно не использовались запросы с указанием имён неоязыческих лидеров, названий общин, какие-либо специфические термины, имеющие распространение в неоязыческой среде. Облегчало поиск то обстоятельство, что в большинстве случаев новостные сайты предлагают читателю материалы, тематически связанные с теми, что он прочитал. Таким образом, поиск моделировал ситуацию, когда любопытствующий читатель, наткнувшись в прессе на материал о русском неоязычестве и практически ничего о нём не знающий, начинает просматривать связанные друг с другом тексты,

касающиеся данной тематики. Нас интересовал вопрос, какое отношение к неоязычеству скорее всего будет сформировано неподвзятым читателем на основе изучения такого рода источников.

Всего было отобрано 104 публикации. Среди них присутствуют как объёмные авторские статьи, так и небольшие новостные сообщения без указания авторства. Подавляющее большинство публикаций – это тексты, найденные в сети Интернет, и представляющие собой либо изначально электронные документы, либо электронные копии материалов, опубликованных в печатных СМИ. Поиск осуществлялся целенаправленно по сайтам наиболее популярных и цитируемых российских газет и журналов, сайтам информационных агентств и новостных агрегаторов. Материалы неоязыческих изданий в расчёт не принимались ввиду их низкой влиятельности и отсутствию ссылок на них со стороны других изданий, то есть их «невидимости» для массового читателя. Из материалов изданий, имеющих явную конфессиональную окраску, в нашу базу данных вошли 4 новостных заметки православного интернет-портала «Седмица.ру» и 3 публикации с сайта «Русская народная линия», девизом которого является формула «Православие. Самодержавие. Народность».

Из указанного количества отобранных материалов 100 публикаций вышли в изданиях, официально зарегистрированных Роскомнадзором в качестве СМИ, причём 99 из них опубликованы в изданиях федерального уровня. Распределение большей части таких публикаций по изданиям приведено в таблице 1. Стоит заметить, что печатное издание и его электронная версия, а также региональные версии одного и того же издания имеют статус самостоятельных СМИ, но в своих расчётах мы обозначаем их как единое издание, ориентируясь, как и читатели, на основное название бренда.

Таблица 1

«Портал Кредо.Ру» («Портал Credo.ru»)	12
«НГ – Религии» (приложение к «Независимой газете»)	9
«Московский комсомолец»	9
«Российская газета»	9
«Известия»	8
«Русская Планета»	6
Информационное агентство REGNUM	6
Информационное агентство «ФедералПресс»	5

Информация о русском неоязычестве встречается также на страницах газет «Аргументы и факты», «Коммерсант», «Новая газета», журналов «Огонёк», «Смена», «Профиль», «Однако», «National Geographic Россия», «Русский Репортёр» и прочих изданий. Стоит, однако, заметить, что собранные нами данные не являются точным отражением количества опубликованных этими изданиями оригинальных материалов на данную тематику за указанный период, так как встречаются случаи, когда оригинальная публикация не доступна на сайте издателя, но можно найти её копию на других ресурсах. Именно поэтому первое место по количеству таких публикаций в приведённом списке принадлежит «Порталу Кредо.Ру», где систематически размещаются статьи на религиозную тематику, в том числе заимствованные у других изданий.

Прежде всего, нас интересовало в каком – позитивном, негативном, нейтральном – ключе подаётся журналистами информация о русском неоязычестве. Критерии отнесения материалов к одной из указанных категорий сложно формализовать, поскольку здесь многое зависит от субъективного восприятия текста читателем. Чтобы максимально нивелировать возможность субъективного восприятия прочитанного с нашей стороны, мы искали в текстах прямо высказанные опасения, обвинения, насмешки в адрес неоязыческого движения, либо, напротив, явно выраженные одобрение, восхищение, апологию, оставляя без внимания композиционное построение статей, неакцентированные аллюзии и другие приёмы, при помощи которых хорошо владеющие пером журналисты могут опосредованно выразить своё отношение к описываемому предмету. В качестве образчика негативно маркированного фрагмента текста можно привести следующую фразу: «подростки причисляют себя к секте язычников-родноверов и очень агрессивны» [14]. Примером позитивной подачи материала может служить статья, в которой рассказывается о празднике Велеса в подмосковной деревне, организованном при поддержке местной администрации: «И спортивные праздники организовывали, и светские мероприятия, но в последнее время людей на них всё меньше и меньше. Пьёт народ – а на праздниках славян употре-

бление любых спиртных напитков запрещено, не приветствуется и курение. ... Всё позитивно: взрослые и дети танцуют и поют у костра» [9].

При подобной методике подсчёта к негативным материалам было отнесено 22 публикации, к позитивным – 3, к нейтральным – 78. Одна публикация была отнесена нами одновременно и к позитивно, и к негативно маркированным, так как автор, похоже, испытывает к неоязычеству противоречивые чувства, пройдя путь от романтической восторженности до беспокойства по поводу его возможной националистической агрессивности.

Однако такой подсчёт отражает, скорее, достаточно высокий уровень соответствия рассмотренных материалов профессиональным журналистским стандартам, требующих от авторов беспристрастности и объективности. Зато бросается в глаза тот негативный контекст, в рамках которого журналисты чаще всего упоминают о русском неоязычестве – это информация о разного рода правонарушениях. Поэтому более информативным представляется подсчёт количества статей, в которых присутствуют такие слова, как «экстремизм», «терроризм», «преступление», «убийство», «сатанизм», либо их словоформы и однокоренные слова с той же семантикой («убийства», «экстремистский» и т. п.). Оказалось, что по своей частотности в порядке убывания эти маркеры распределяются так: «экстремизм» упоминается в 53 публикациях (то есть в каждой второй), «преступление» – в 32, «убийство» – в 30, «терроризм» – в 26, «сатанизм» – в 6. Во многих случаях эти слова используются в связке, создавая в сознании читателей весьма неприглядный образ русского неоязычества. Что же служит причиной постоянного присутствия в прессе таких негативно коннотированных маркеров, когда речь заходит об этом явлении? И не находит ли подтверждение версия о спланированной и последовательной его дискредитации?

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим те информационные поводы, с которыми связано появление большинства собранных нами публикаций. При анализе распределения их количества по годам, мы наблюдаем три отчётливых пика (см. рисунок 1).

Первый из них приходится на 2004 г., к которому относится 12 публикаций. Далее заме-

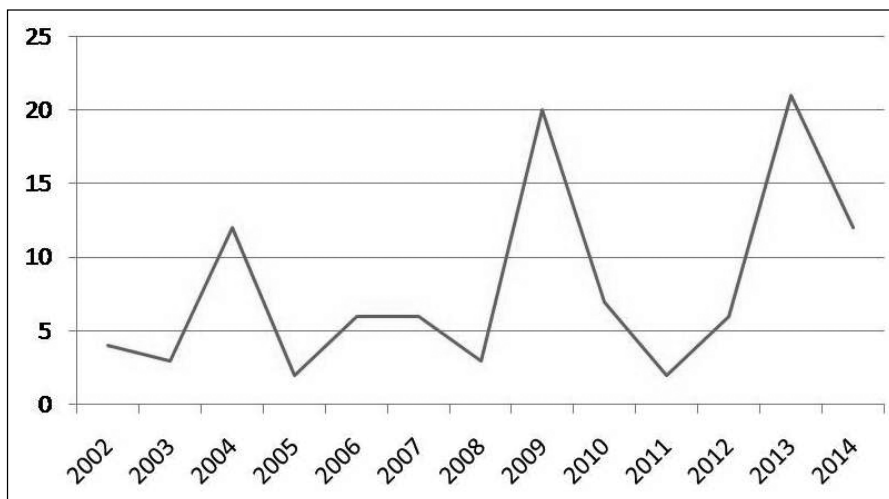

Рисунок 1

тен существенный спад, пока в 2009 г. не вышло 20 публикаций, затрагивающих тему русского неоязычества. Новый пик приходится на 2013 г. – 21 публикация. Из числа публикаций, относящихся к 2004 г., 5 обязаны своим появлением скандалу вокруг омских инглингов, связанному с судебным решением о ликвидации зарегистрированных ими юридических лиц. Суть конфликта заключалась в том пиетете, который испытывают инглинги к свастике, трактуемой ими как древний религиозный символ («коловерат»), и некоторых положениях их доктрины, расценённых местными органами юстиции как экстремистские. С темы свастики начинается и статья «Россия остаётся уязвимой от опасности реванша самых тёмных сил» в «Известиях», в которой её автор беседует с В. А. Шнирельманом о национализме и именно в этом контексте упоминает русских неоязычников. Ещё 3 материала связаны с попыткой неоязычников опротестовать слова Патриарха Алексия II, сказавшего на открытии архиерейского собора Русской православной церкви 2004 г. следующее: «Если XX век был ознаменован гибельным распространением атеизма и материализма, приведшим к разрушительным последствиям в нашем Отечестве, то век нынешний, XXI, заставляет нас выносить на повестку дня обсуждение таких явлений, как необратимое искажение духовного сознания во всем мире, влекущее за собой всеобщее падение нравственности, распространение неоязычества, терроризма и других губительных явлений современности» [24].

Остальные 3 публикации рассказывают о различных противоправных действиях, в которых в той или иной степени можно разглядеть некий «языческий» след. Причём география таких правонарушений обширна – это Орёл, Санкт-Петербург и Кемеровская область.

Из публикаций 2009 г. 6 освещают или упоминают «дело родноверов». Речь идёт о группе националистов из трёх человек, обвинённых в убийствах на почве расовой ненависти и нескольких взрывах в Москве, совершённых в 2008–2009 гг. В прессе настойчиво муссировалась информация об их принадлежности к «секте язычников-родноверов». Вторым по значимости информационным поводом для упоминания родноверов (4 публикации) стало убийство священника Даниила Сысоева в Москве в ноябре 2009 г. Среди многочисленных предположений о мотивах убийства попадалась и версия о причастности к нему неоязычников, хотя надо отметить, что журналистам она показалась малоубедительной. Ещё 3 публикации рассказывают о задержании во Владимире члена неоязыческой общины «Рось», взорвавшего бомбу в православной церкви. Столько же публикаций рассказывают о других преступлениях, которые хотя бы предположительно можно связать с язычниками. Две публикации рассказывают о вынесении приговора главе омских инглингов А. Хиневичу (полтора года условно по статье 282.2 УК РФ («Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого судом принято решение о ликвидации или запрете деятель-

ности в связи с осуществлением экстремистской деятельности»), что явилось развитием упомянутых выше событий 2004 г. Всего лишь три статьи выбиваются из этого перечня материалов криминальной хроники. Две из них вышли в популярных журналах («National Geographic Россия» и «Смена») и рассказывают про жизнь современных русских неоязыческих общин, третья вышла в газете «НГ-Религии» и представляет собой интервью с Дмитрием Гавриловым (Иггельдом), одним из заметных представителей неоязыческой среды. Характерно, что поводом для интервью послужили именно многочисленные сообщения в прессе об экстремистской направленности русского неоязычества. Иггельд отмечает, что существуют различные группировки, которые только маскируются под язычников и, в частности, он не считает язычниками «секту инглингов-староверов». Отметим, что одна из публикаций была отнесена нами сразу к двум упомянутым категориям – «банда родноверов» и «прочие преступления»: газета «Известия» сообщила о задержании несовершеннолетнего неонациста, готовившего теракты в Москве. И хотя источник в правоохранительных органах не подтвердил его связь с «бандой родноверов», журналист не преминул упомянуть о ней.

В 2013 г. самым важным сюжетом, в связи с которым упоминалось русское неоязычество, стали шествия националистов под названием «Русский марш», поскольку некоторые неоязычники принимали участие в подобных акциях (5 публикаций). Три упоминания о неоязычестве связаны с новостью об аресте писателя-эзотерика Алексея Трехлебова (идейно близкого к А. Хиневичу), которому вменялись в вину пропаганда экстремистских идей и незаконное хранение оружия. С темой экстремизма и терроризма связаны публикация, освещающая ход процесса по делу отставного полковника ГРУ В. В. Квачкова, обвинённого в подготовке вооружённого государственного переворота (его сподвижник, якобы, назвался родновером) и заметка о суде над лидером организации «Духовно-родовая держава Русь». (Заметим, что хотя в научной литературе эта организация рассматривается в контексте русского неоязычества [1, с. 6–9; 30, с. 245], причислять её к неоязыческим объеди-

нениям можно лишь условно. Описавшая эту организацию Е. К. Агеенкова и сама отмечает, что отнести её к разряду религиозных затруднительно.) Три публикации касаются различных правонарушений, относительно которых известно или предполагается, что их совершили неоязычники. Две статьи освещают жизнь неоязыческой общины в деревне Поповка Московской области, которой уделялось внимание и в публикациях 2009 г. Остальные посвящены различным темам, но преимущественно осуждают неоязычество, усматривая в нём угрозу православью.

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что журналистов не слишком интересует неоязычество как культурный или религиозный феномен. Материалов, описывающих само это явление, намного меньше, чем публикаций, в которых неоязычество упоминается как некая художественная деталь, которая оживляет повествование и насыщает его определённой экзотикой. Таким образом, рост упоминаний о русском неоязычестве в отдельные годы не является свидетельством роста интереса к этому явлению со стороны журналистов и общества, а лишь является следствием появления информационных поводов, позволяющих насытить журналистские тексты такого рода экзотикой.

Впрочем, какова бы ни была подоплёка появления этих текстов, они являются важным фактором формирования отношения общества к упоминаемому явлению. Возникает вопрос – насколько читатели могут доверять содержащейся в этих текстах информации? Для того чтобы ответить на этот вопрос, требуется определить, откуда черпают информацию о неоязычестве сами журналисты. Для тех публикаций, которые позволяют произвести такой анализ (их оказалось 82), расчёты показали следующее распределение источников информации: информанты (сами неоязычники, очевидцы событий и т. п.) – 29, личные впечатления (в том числе самостоятельная работа с источниками неоязыческого происхождения) – 23, сообщения СМИ – 20, эксперты (лица, являющиеся, по мнению журналистов, специалистами в области затрагиваемых тем) – 20, официальные документы и научные работы – 7 публикаций. Во многих случаях авторы сочетают два или более источника информации. Бросается

в глаза низкий процент присутствия в этом списке источников объективной информации, к которым можно отнести последнюю из отмеченных категорий, и большое количество ссылок на другие СМИ. Это достаточно тревожный симптом, так как в результате формируется определённая (не имеющая опоры на объективные данные) традиция освещения данной темы, которая начинает продуцировать саму себя. Достаточно частые обращения журналистов к экспертам не улучшают складывающуюся картину, поскольку их подбор вызывает некоторое недоумение. Чаще всего в роли таких экспертов выступают представители РПЦ и так называемые сектоведы, которые также напрямую связаны с РПЦ (8 публикаций). В 7 публикациях в качестве экспертов выступают чиновники, общественные деятели и лица, чью профессиональную принадлежность достаточно трудно чётко обозначить (правозащитники, представители неакадемических исследовательских структур). Учёные и преподаватели вузов выступают в роли экспертов в 7 публикациях. В одном случае упоминается некий историк Евгений Смирнов, которого, в связи с недостатком информации, мы не можем отнести к определённой группе, и также однократно в качестве эксперта выступает неоязыческий «волхв».

Как можно видеть, мнение учёных мало интересует журналистов. Но даже если последние и стремятся проконсультироваться с учёными, то выбор таких консультантов не всегда выглядит достаточно мотивированным. Так, в роли экспертов выступили: В. А. Шнирельман, О. В. Асеев, Р. В. Шиженский – известные своими работами на тему неоязычества; историк-славист В. Я. Петрухин, известный, помимо прочего, своими трудами в области славянской мифологии; а кроме того старший преподаватель кафедры теологии РГУ им. С. А. Есенина Н. А. Тополова, доцент кафедры политологии ТюмГУ И. В. Бобров и старший научный сотрудник Краснодарского краевого выставочного зала изобразительных искусств А. Костигина, которые, судя по данным РИНЦ и каталога диссертаций РГБ, работами в области язычества или неоязычества пока не отметились. Разумеется, мы не отказываем кому-либо из учёных в праве иметь собственное мнение о русском неоязычестве, даже если он не

является крупным авторитетом в этой области. Мы лишь хотим подчеркнуть, что для журналистов зачастую нет особой разницы в том, специалистом в какой сфере является опрашиваемый ими эксперт, что является признаком их поверхностного знакомства с материалом.

В корпусе авторов проанализированных нами материалов мы не смогли выделить людей, специализирующихся на освещении тем, связанных с язычеством. Таким образом, обращение к этой теме носит случайный, спорадический характер. Установить профессиональную принадлежность авторов удалось лишь в отношении 3 публикаций (их авторы относят себя к православным). В целом можно утверждать, что спланированных информационных кампаний по компрометации/популяризации русского неоязычества в российской прессе в период с 2002 г. по 2014 г. не просматривается (если только не относить к таковым немногочисленные публикации на православных сайтах, в которых было бы странно увидеть благосклонное отношение к язычеству).

В то же время отмечается явная, хотя и стихийно складывающаяся тенденция упоминать о русском неоязычестве преимущественно в отрицательном контексте. Можно с большой долей уверенности предположить, что обилие негативных информационных поводов, заставляющих журналистов упоминать о неоязычестве, само по себе способно сформировать в умах читателей представление о нём как о чём-то опасном и вредном. Учитывая, что среди таких читателей могут быть и коллеги-журналисты, и разного рода чиновники, сотрудники правоохранительных органов, учёные, можно ожидать формирования у них предвзятой позиции по отношению к этому явлению, которая в дальнейшем будет оказывать обратное воздействие на прессу по принципу порочного круга. Сейчас, пока общее число публикаций, упоминающих русское неоязычество, ещё не слишком велико, а традиция восприятия его журналистами сквозь призму криминальной тематики ещё находится в стадии становления, подходящий момент для того, чтобы на конкретных примерах проследить, как и из чего создаётся неприглядный образ этого сложного и многогранного феномена.

Несмотря на то, что журналисты не слишком скрупулёзно относятся к сбору и анализу

материалов о русском неоязычестве, негативный информационный фон, присущий большинству проанализированных нами материалов, заставляет задуматься о характере этого явления. Именно массовость таких материалов может натолкнуть на мысль, что связь неоязычества с проявлениями ксенофобии, насилия, нарушения закона является имманентной чертой этого явления, которую и фиксируют журналисты, пусть даже теряя при этом из виду те или иные детали. Однако внимательное изучение собранных нами материалов позволяет сделать вывод, что именно детали, порой кажущиеся журналистам и их читателям несущественными, способны кардинально поменять акценты в описании привлёкших внимание журналистов фактов или событий.

Говоря о публикациях, авторы которых открыто бичуют неоязычество, приходится констатировать, что в них нередко используются безапелляционные и/или бездоказательные утверждения. Примером может послужить статья доцента СПбГУ, диакона Владимира Василика [6]. Среди прочего, в ней неоднократно говорится об «огромном финансировании» русского неоязычества иностранными спецслужбами. Об источниках такой информации читателям остаётся лишь догадываться. Непонятным остаётся и то, куда уходят эти деньги, ведь даже из материалов прессы, как и из наблюдений учёных, явствует, что неоязычники (или те, кого авторы таковыми считают) разрознены, как в организационном, так и идейном отношении, не имеют в своём распоряжении капитальных построек культового характера, официально зарегистрированных СМИ, политического лобби, видных спикеров, зачастую они слабо социализированы и не отличаются заметным благосостоянием.

Не меньшее недоумение вызывает статья «Современное неоязычество как бизнес-проект» в сетевом издании «ПРАВДА.Ру» [16]. Несмотря на название и фразу: «Неоязычество – хорошо продуманный и коммерчески успешный проект», в статье отсутствует какая-либо конкретика относительно сути этого проекта, не указаны ни выгодополучатели, ни потенциальные клиенты, ни примеры подобной коммерческой деятельности.

В статье «Неоязычники наступают?» [7] проводится мысль о том, что возрождение языче-

ства в России могло быть инициировано КГБ во времена, когда им руководил Ю. В. Андропов. Эта «операция» «была призвана отвлечь молодёжь от явственно проявившейся уже тогда тяги к православиям». В статье не приводится ни одного факта в подтверждение этой догадки, но после прочтения можно сделать вывод, что известные труды академика Б. А. Рыбакова о славянском язычестве были написаны по заказу КГБ. Так, из цепочки предположений, допущений и намёков автор конструирует образ заинтересовавшего его явления, заканчивая статью цитировавшимися выше словами Алексея II, поставившего неоязычество в один ряд с терроризмом.

Но, пожалуй, наиболее примечательны строки из статьи «Убить по-русски» в журнале «Профиль» [5]. Как указано, статья родилась на основе бесед с сотрудниками подразделений по борьбе с экстремизмом. Из неё мы узнаём следующее: «есть группы, которые не примыкают ни к одному из радикальных движений, а существуют сами по себе и общаются исключительно в своём кругу. Внедрить агента в такую структуру очень сложно, так как люди со стороны в неё не приходят. ... Пример такой группы – родноверы, последователи древнеславянского языческого культа огнепоклонников. Безумно жестокие и кровожадные, они расправлялись с любыми иноверцами и инородцами. На совести их современных последователей самые кровавые и жестокие убийства последних лет».

Сложно поверить, что эти слова, словно взятые из бульварного романа, могли быть опубликованы в серьёзном издании. Остаётся лишь надеяться, что этот своеобразный «кровавый навет» на родноверов является в большей степени плодом творчества отдельного автора, а не квинтэссенцией познаний правоохранителей о неоязычестве.

Ставшая уже достаточно устойчивой ассоциация русского неоязычества и экстремизма становится порой аргументом в спорах, весьма далёких от религиозной и культурной тематики. Так, в статье в «Московском комсомольце», посвящённой борьбе вокруг процесса приватизации Кизлярского коньячного завода [28], сообщается о том, что казаки из нереестрового (негосударственного) Терского войска, являющегося одной из сторон конфликта, «активно привлекают в

свои ряды неоязычников». Далее прозрачно намекается, что неоязычники опасны, в частности, говорится, что «среди сторонников этого учения широко распространены крайне радикальные, экстремистские взгляды по отношению к верующим иных религий». С темой статьи этот пассаж никак не связан и потому, как можно судить, упоминание о неоязычниках призвано лишь бросить тень на часть местного казачества.

Также обращает на себя внимание довольно распространённое употребление слова «секта» в качестве характеристики русского неоязычества. Например, в сообщении «АиФ» об убийстве священника Даниила Сыроева сказано: «Согласно ещё одной версии, настоятель храма апостола Фомы мог быть убит представителями секты так называемых «родноверов», в которую входят в основном молодые люди – язычники. Ранее «родноверы» уже устраивали взрыв в одном из московских православных храмов» [10].

В пространной статье в газете «Известия», посвящённой упоминавшейся «банде родноверов», находим следующие строки: «по данным следствия, девушка и два парня входили в секту славянских язычников-родноверов. Это довольно новый вид националистов. ... Сейчас родноверие стремительно набирает популярность у молодёжи. Эта секта становится прибежищем для тех, кто хочет верить в собственную избранность, но не может отождествлять себя с немецкими фашистами» [12].

«Российская газета» сообщает дополнительные подробности о членах этой банды, сообщая, что они: «познакомились в Волгограде с почитателями культа «Родная вера» и прошли посвящение. По показаниям самих обвиняемых, постулаты родноверов они восприняли как призывы к «очищению России от инородцев», в том числе путём убийств» [20].

Число таких странных, с точки зрения религиоведа, цитат можно было бы умножить, но и из приведённого материала видно как некорректно используется религиоведческая терминология даже в наиболее крупных и авторитетных печатных изданиях России. Фактически, несмотря на эту терминологию, родноверие выводится за пределы собственно религиозной плоскости, объявляется некой разновидностью национализма, ко-

торая, как смутно представляется журналистам, имеет какое-то отношение к язычеству. Относительно «банды родноверов» следует отметить ещё одно немаловажное обстоятельство – всё, что сообщает о них пресса, доходит до читателя многократно преломлённым сквозь призму чужого восприятия, словно в игре в испорченный телефон. Нельзя даже узнать, сколь длинна цепочка людей, отделяющая читателя от первоначального источника информации – в данном случае от обвиняемых. На каких основаниях они причисляли себя к родноверам, чем являлось родноверие в их сознании, в какой степени «постулаты родноверов» являлись движущей силой их поступков и что это были за постулаты – все эти вопросы остаются без ответа, а значит, нет и веских оснований считать этих людей связанными с неоязыческой средой, тем более экстраполировать эту гипотетическую связь на всё русское неоязычество, трактуя его как некую разновидность российского экстремистского подполья.

В некоторых публикациях явно прослеживается тенденциозность при подаче материала. Например, громкий заголовок новостной заметки агентства REGNUM «Язычники громят православные храмы Орла» вводит читателя в заблуждение [31]. В действительности речь идёт о взломе только одного православного храма, а неподтверждённая версия, что к этому могут быть причастны неоязычники, выдвигается следствием наряду с другими. Из той же серии заметка под названием «Дрезину подорвали язычники» о взрыве на Октябрьской железной дороге [26]. Хотя сотрудники правоохранительных органов усомнились в том, что это был теракт и не озвучили ни одной версии о причинах случившегося, журналист, пользуясь непроверенной информацией «из среды завсегдаев интернет-блогов» пишет, что «ответственность за взрыв взяли на себя члены некоей националистической группировки “NS-WP Невоград”. Якобы взрыв был приурочен к языческому празднику “Громница”». Как можно видеть, заголовок мало соответствует содержанию. Не корректен и заголовок «Впервые в России последователям неоязычества предъявлено обвинение в экстремизме» [8]. В этой публикации речь идёт о том, что прокуратура предъявила обвинение в экстремистской

деятельности лидеру неонацистской организации «Шульц-88». Сообщается также, что задержаны ещё три активиста этой организации. Во время обыска в квартире одного из них были обнаружены пачки листовок и плакатов с нацистской символикой, а также брошюры «Гнев Перуна», «Язычество как духовно-нравственная основа русского национал-социализма». Так, на основании весьма сомнительной логической цепочки: тот, кто читал неоязыческие брошюры является неоязычником, те, кто общаются с неоязычником, тоже неоязычники, создаётся заголовок, кардинально меняющий смысл написанного, и неонацисты превращаются в неоязычников. Остаётся лишь гадать, каким бы был заголовок, если бы вместо указанных брошюр оперативники нашли Талмуд или жития православных святых.

Приведённые выше примеры некорректной подачи информации о русском неоязычестве имеют субъективную природу. Авторы либо открыто недолюбливают неоязычников, либо мало что о них знают, небрежно работают с источниками информации и потому делают ошибки, либо в стремлении привлечь внимание читателей идут на сознательное манипулирование информацией. Но есть и объективные причины того, что образ русского неоязычества в российской прессе часто смешивается с темой экстремизма или псевдонаучного мракобесия. Причина в том, что, как уже говорилось выше, русское неоязычество очень разнородно. Не только журналисты, но даже исследователи этого явления обычно не проводят более детальной классификации, называя неоязычниками всех, кто так или иначе использует языческую (или похожую на языческую) символику, вплетает образы древних языческих божеств в ткань художественных произведений, увлекается исторической реконструкцией не только материальной, но и духовной культуры дохристианской поры. Таким образом, неоязычниками сейчас называют не только людей, религиозно почитающих древних дохристианских божеств или возводящих свои религиозные взгляды к дохристианским духовным традициям, но и людей, чья религиозность далеко не очевидна. Это могут быть авторы книг, написанных в популярном ныне жанре «альтернативной истории», интерес которых к религии древних славян объясняется,

скорее, коммерческой выгодой, а не духовным поиском. Это могут быть и националисты, озабоченные поиском теоретического и исторического фундамента для своих (отнюдь не религиозных!) идей. Наконец, это могут быть психически нездоровые люди, чью религиозную принадлежность вообще вряд ли можно установить. Не случайно часть русских неоязычников, многие из которых предпочитают называть себя родноверами, решительно стремятся отмежеваться от тех, кого они называют псевдоязычниками. Показательно, что сами родноверы ввели термин «псевдоязычество» ещё в 2009 г., когда в сети Интернет было размещено совместное заявление общественного движения «Круг Языческой Традиции» и Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры [18], в котором взгляды ряда авторов, известных своими популярными работами на историческую тематику, квалифицируются как лженаучные и псевдоязыческие. В 2015 г. был опубликован ещё более интересный документ – «Открытое письмо учёным-религиоведам России» [17]. В тексте, подписанном одиннадцатью неоязыческими общинами (преимущественно российскими), выражено требование «внести в научную литературу, понятийный аппарат, исследования и т. д. чёткое разделение между такими явлениями религиозной жизни России, как возрождаемые традиционные языческие (дохристианские) верования и искусственно конструируемые псевдоязыческие идеологии». Авторы письма обеспокоены тем, что в результате смешения этих разных явлений, неоязычников нередко приравнивают «к неадекватным сектантам, экстремистам, адептам лженаук», а само неоязычество представляется «смесью фольклора, фантастики и экстремизма», хотя в своих построениях они используют, наряду с мистическим опытом, ещё и данные академической науки. В конце письма приводится список людей, которые, по мнению подписантов, олицетворяют псевдоязычество. Примечательно, что в обоих упомянутых документах в числе псевдоязычников упомянуты А. Хиневич (лидер инглигов) и А. Трехлебов, с именами которых связаны многие проанализированные нами публикации.

Подведём итоги нашего исследования.

В настоящее время русское неоязычество не является предметом пристального внимания

российской прессы. Однако заметна некоторая тенденция к увеличению числа публикаций, ему посвящённых, либо упоминающих его в различных, не связанных с религией контекстах. Среди изданий, опубликовавших подобные материалы, присутствует целый ряд крупных центральных газет и журналов федерального масштаба.

Хотя в большинстве случаев журналисты не высказывают своего отношения к этому явлению, в тех случаях, когда это происходит, негативное отношение авторов уверенно преобладает над позитивным. В целом информационный фон, сопутствующий упоминаниям в прессе о русском неоязычестве, носит отчётливо негативный оттенок, в большинстве проанализированных публикаций находит своё отражение тема каких-либо преступлений – чаще всего экстремистской направленности. Неоязычество как культурный и религиозный феномен интересует журналистов слабо, оно воспринимается ими в основном как элемент экзотики, с помощью которой можно привлечь внимание читателей.

Можно уверенно утверждать, что обобщённый образ русского неоязычества, сложившийся за последние годы в российской прессе, является преимущественно отрицательным. Однако, как показало исследование, причиной этого является не спланированная информационная кампания по дискредитации данного явления, а недостаточно тщательная проработка журналистами того материала, который попадает в их распоряжение, недостатки (или отсутствие) религиозно-научной подготовки журналистов, расплывчатость самого понятия «неоязычество». К сожалению, результаты анализа собранного нами материала стали дополнительным подтверждением выводов, сделанных ранее другими исследователями, о том, что в российских светских СМИ «как правило, отсутствует экспертный анализ современной религиозной ситуации, чрезмерно преувеличивается зависимость религии от политики, а светская пресса в большинстве случаев искажает картину религиозной жизни страны» [29].

Впрочем, что касается родноверия, то подобная ситуация имеет место не только в России. Как показал проведённый Г. Антосиком анализ сообщений польской прессы за 2008 год [33], образ польского родноверия в СМИ тоже явля-

ется отрицательным, причём большинство негативных материалов базируются на устойчивом соотношении родноверия с идеями фашизма и нацизма, а также на критике язычества со стороны католической церкви, в то время как положительно маркированные тексты чаще всего касаются организуемых язычниками праздников, которые представляются журналистам интересными культурно-массовыми мероприятиями.

Может возникнуть вопрос – не опровергают ли результаты нашего исследования мнение об устойчивой связи русского неоязычества с радикальными формами русского национализма? Здесь стоит подчеркнуть, что данное исследование не было призвано рассмотреть природу русского неоязычества, но прежде всего должно было показать, насколько оправданно использование сообщений прессы в качестве источника информации о данном явлении. Как показывают результаты исследования, на данный момент признать такой вид источников релевантным исследовательским задачам учёного-религиоведа не представляется возможным.

Исходя из сделанных выводов, можно сформулировать и некоторые практические рекомендации для журналистов и исследователей, обращающихся к соответствующей тематике. Журналистам, помимо общих пожеланий стремиться к более взвешенному и объективному изложению материала и осторожнее обращаться со специфическими религиозно-научными терминами, стоит посоветовать тщательнее относиться к отбору экспертов, к которым они обращаются за комментариями, стараться непосредственно контактировать с представителями неоязыческой среды и знакомиться с научными публикациями на данную тему. Учёным-религиоведам, по-видимому, стоит прислушаться к мнению самих неоязычников и перестать использовать термин «неоязычество» при описании тех явлений и процессов, которые не имеют отношения к собственно религии. Полезным может стать введение в научный обиход предложенных ранее А. А. Бесковым [3, с. 16–17] дополнительных терминов «квази(нео)язычество» и «псевдо(нео)язычество», с помощью которых можно будет описывать сходные с неоязычеством (например, в плане используемой символики) явления, не яв-

ляющиеся, однако, религиозными по своей сути. Квазизычеством в этом случае следует обозначать социальные явления, близкие к неоязычеству по своим идейным основаниям, но не имеющие выраженной религиозной составляющей (в частности, те направления в неонацизме, которые идеализируют архаические – дохристианские – формы общественного устройства), а псевдозычеством – те явления, в которых исследователь не находит никакого искреннего интереса к языческим традициям, зато обнаруживает тенденции к сознательному лженаучному искажению

исторической действительности, чаще всего с целью извлечения коммерческой выгоды. Помимо придания большей внутренней стройности научному терминологическому аппарату, подобное разграничение позволит гармонизировать отношения между носителями неоязыческой религиозности и государством, которые пока сложно признать лояльными. До тех пор, пока общественность и правоохранители не научатся различать неоязычников и неонацистов, эти движения будут просто обречены на союз друг с другом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агеенкова Е. К. Некоторые аспекты славянского неоязычества // Сектоведение. 2012. Т. 2. С. 4–24.
2. Алиева А. Образ православия в сознании современных россиян в связи с задачами христианской миссии в современной России // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Выпуск 6. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2012. С. 142–155.
3. Бесков А. А. Парадоксы русского неоязычества // Colloquium heptaplomeres. 2014. № 1. С. 11–23.
4. Бесков А. А. «Русский вопрос» в контексте государственно-конфессиональных отношений в современной России // Религии России: проблемы социального служения и патриотического воспитания: Коллективная монография / Под ред. О. К. Шиманской. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 467–477.
5. Бурдаков М. Убить по-русски // Журнал «Профиль». 27.12.2010. URL: <http://www.profile.ru/politics/item/59381-ubit-po-russki-59381> (дата обращения: 30.06.2015).
6. Василик В. Неоязычество как проект западных спецслужб по разрушению России // Русская народная линия. 02.05.2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/05/02/neoazychestvo_kak_proekt_zapadnyh_specsluzhb_po_razrusheniyu_rossii (дата обращения: 30.06.2015).
7. Виноградов П. Неоязычники наступают? // Невское время. 17.10.2013. URL: <http://www.nvspb.ru/stories/neoazychniki-nastupayut-52575> (дата обращения: 30.06.2015).
8. Впервые в России последователям неоязычества предъявлено обвинение в экстремизме // Портал Кредо. Ру. 13.10.2003. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=15051> (дата обращения: 06.07.2015).
9. Гончарова Ю. Родноверы ушли в корни // Московский комсомолец. 16.02.2010. URL: <http://www.mk.ru/social/article/2010/02/16/431943-rodnoveryi-ushli-v-korni.html> (дата обращения: 30.06.2015).
10. Дудалева М. В московском храме неизвестный расстрелял священника Даниила Сысоева // Аргументы и факты. 20.11.2009. URL: <http://www.aif.ru/incidents/14865> (дата обращения: 30.06.2015).
11. Евдокимова Е. Игорь Романов: «Судьба Кавказа – это судьба всей России» // Военное обозрение. 29.11.2013. URL: <http://topwar.ru/36657-igor-romanov-sudba-kavkaza-eto-sudba-vsey-rossii.html> (дата обращения: 30.06.2015).
12. Заритовский А., Виньков В. Я больше не верю русским // Информационное общественно-политическое интернет-издание «Известия.ру». 15.04.2009. URL: <http://izvestia.ru/news/347540> (дата обращения: 30.06.2015).
13. Зорина А. Ю. В начале было слово... // Религии и СМИ: Сборник материалов круглого стола 15 ноября 2011 года. М.; Н. Новгород: ИД «Медина»; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2012. С. 31–33.
14. Крупный раскол // Журнал «Профиль». 19.02.2009. URL: <http://www.profile.ru/arkhiv/item/65040-kрупny-raskol-65040> (дата обращения: 30.06.2015).
15. Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. №4. С. 96–107.
16. Матвеева В. Современное неоязычество как бизнес-проект // ПРАВДА.Ру. 19.11.2012. URL: <http://www.pravda.ru/faith/confessions/newreligion/19-11-2012/1135167-neoyaz-0/> (дата обращения: 30.06.2015).
17. Открытое письмо учёным-религиоведам России // Родуница. URL: <http://ork-rod.ru/index/0-26> (дата обращения: 01.07.2015).

18. Официальное заявление Круга Языческой Традиции и Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры от 25 декабря 2009 года «О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве» // Сайт Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры. 25.12.2009. URL: <http://www.rodnovery.ru/dokumenty/obrashcheniya-zayavleniya/77-o-podmenakh-ponyatij-v-yazyke-i-istorii-slavyan-i-o-psevdozaychestve> (дата обращения: 22.06.2015).
19. Перепёлкин Л. С., Стэльмах В. Г. Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 373–395.
20. Полетаев В. Неонацисты убивали из мести // Российская газета. 08.06.2010. URL: <http://www.rg.ru/2010/06/08/banda-site.html> (дата обращения: 06.07.2015).
21. Прикладная конфликтология для журналистов / Сост. М. Мельников. М.: «Права человека», 2006. 158 с.
22. Прикладное религиоведение для журналистов / Сост. и ред. М. Григорян. М.: «Права человека», 2009. 254 с.
23. Сибирёва О. Религиозная ксенофобия в СМИ // Религии и СМИ: Сборник материалов круглого стола 15 ноября 2011 года. Москва; Н. Новгород; ИД «Медина»; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2012. С. 104–110.
24. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на открытии Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2004 года // Официальный сайт Московского Патриархата. 07.06.2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418885.html> (дата обращения: 30.06.2015).
25. Смержевская О. А., Шиженский Р. В. Современное язычество в религиозно-культурной жизни: исторические очерки. Йошкар-Ола: Историко-литературный музей финно-угорских народов имени Валентина Колумба, 2010. 304 с.
26. Тумакова И. Дрезину подорвали язычники // Информационное общественно-политическое интернет-издание «Известия.ру». 03.02.2010. URL: <http://izvestia.ru/news/358003> (дата обращения: 06.07.2015).
27. Фурман Д., Каарияйнен К., Карпов В. Религиозность в России в 90-е гг. XX – начале XXI в. // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. Киммо Каарияйнена, Дмитрия Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 6–87.
28. Хапизов Ю. Кормушка для руководства // МК в Дагестане. 27.02.2014. URL: <http://mkala.mk.ru/article/2014/02/27/991369-kormushka-dlya-rukovodstva.html> (дата обращения: 30.06.2015).
29. Хруль В. М. СМИ и религия: в поисках интегрального подхода // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 5. С. 60–76.
30. Шнирельман В. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2012. xiv + 302 с.
31. Язычники громят православные храмы Орла // Информационное агентство REGNUM. 01.04.2004. URL: <http://www.regnum.ru/news/accidents/240403.html> (дата обращения: 06.07.2015).
32. Яшин В. Б. «Церковь православных староверов-инглингов» как пример неоязыческого культа // Неоязычество на просторах Евразии / Сост. В. Шнирельман. М.: ББИ, 2001. С. 56–67.
33. Antosik, G. Rodzimowiercy a media na przykladzie polskiej prasy w 2008 roku // Państwo i Społeczeństwo. 2009. № 4. S. 107–114.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ageenkova E. K. Nekotorye aspekty slavyanskogo neoyazychestva // Sektovedenie. 2012. T. 2. S. 4–24.
2. Alieva A. Obraz pravoslaviya v soznanii sovremennykh rossiyan v svyazi s zadachami khristianskoi missii v sovremennoi Rossii // Svet Khristov prosveshchaet vseh: Al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta. Vypusk 6. М.: Svyato-Filaretovskii pravoslavno-khristianskii institut, 2012. S. 142–155.
3. Beskov A. A. Paradoksy russkogo neoyazychestva // Colloquium heptaplomeris. 2014. № 1. S. 11–23.
4. Beskov A. A. «Russkii vopros» v kontekste gosudarstvenno-konfessional'nykh otноshenii v sovremennoi Rossii // Religii Rossii: problemy sotsial'nogo sluzheniya i patrioticheskogo vospitaniya: Kollektivnaya monografiya / Pod. red. O. K. Shimanskoi. N. Novgorod: FGBOU VPO «NGLU», 2014. S. 467–477.
5. Burdakov M. Ubit' po-russki // Zhurnal «Profil'». 27.12.2010. URL: <http://www.profile.ru/politics/item/59381-ubit-po-russki-59381> (дата обращения: 30.06.2015).
6. Vasilik V. Neoyazychestvo kak proekt zapadnykh spetssluzhb po razrusheniyu Rossii // Russkaya narodnaya liniya. 02.05.2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/05/02/neoyazychestvo_kak_proekt_zapadnykh_specsluzhb_po_razrusheniyu_rossii (дата обращения: 30.06.2015).
7. Vinogradov P. Neoyazychniki nastupayut? // Nevskoe vremya. 17.10.2013. URL: <http://www.nvspb.ru/stories/neoyazychniki-nastupayut-52575> (дата обращения: 30.06.2015).
8. Vpervye v Rossii posledovatel'yam neoyazychestva pred'yavleno obvinenie v ekstremizme // Portal Kredo.Ru. 13.10.2003. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=15051> (дата обращения: 06.07.2015).

9. Goncharova Yu. Rodnovery ushli v korni // *Moskovskii komsomolets*. 16.02.2010. URL: <http://www.mk.ru/social/article/2010/02/16/431943-rodnoveryi-ushli-v-korni.html> (data obrashcheniya: 30.06.2015).
10. Dudaleva M. V moskovskom khrame neizvestnyi rasstrelyal svyashchennika Daniila Sysoeva // *Argumenty i fakty*. 20.11.2009. URL: <http://www.aif.ru/incidents/14865> (data obrashcheniya: 30.06.2015).
11. Evdokimova E. Igor' Romanov: «Sud'ba Kavkaza – eto sud'ba vsej Rossii» // *Voennoe obozrenie*. 29.11.2013. URL: <http://topwar.ru/36657-igor-romanov-sudba-kavkaza-eto-sudba-vsey-rossii.html> (data obrashcheniya: 30.06.2015).
12. Zaritovskii A., Vin'kov V. Ya bol'she ne veryu russkim // *Informatsionnoe obshchestvenno-politicheskoe internet-izdanie «Izvestiya.ru»*. 15.04.2009. URL: <http://izvestia.ru/news/347540> (data obrashcheniya: 30.06.2015).
13. Zorina A. Yu. V nachale bylo slovo... // *Religii i SMI: Sbornik materialov kruglogo stola 15 noyabrya 2011 goda*. M.; N. Novgorod: ID «Medina»; Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N. A. Dobrolyubova, 2012. S. 31–33.
14. Krupnyi raskol // *Zhurnal «Profil'»*. 19.02.2009. URL: <http://www.profile.ru/arkhiv/item/65040-krupnyi-raskol-65040> (data obrashcheniya: 30.06.2015).
15. Kublitskaya E.A. Osobennosti religioznosti v sovremennoi Rossii // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. №4. S. 96–107.
16. Matveeva V. Sovremennoe neoyazychestvo kak biznes-proekt // *PRAVDA.Ru*. 19.11.2012. URL: <http://wwwpravda.ru/faith/confessions/newreligion/19-11-2012/1135167-neoyaz-0/> (data obrashcheniya: 30.06.2015).
17. Otkrytoe pis'mo uchenym-religiovedam Rossii // *Rodunitsa*. URL: <http://ork-rod.ru/index/0-26> (data obrashcheniya: 01.07.2015).
18. Ofitsial'noe zayavlenie Kruga Yazycheskoi Traditsii i Soyuz Slavyanskikh Obshchin Slavyanskoi Rodnoi Very ot 25 dekabrya 2009 goda «O podmenakh ponyatii v yazyke i istorii slavyan i o psevdoyazychestve» // *Sait Soyuz Slavyanskikh Obshchin Slavyanskoi Rodnoi Very*. 25.12.2009. URL: <http://www.rodnovery.ru/dokumenty/obrashcheniya-zayavleniya/77-o-podmenakh-ponyatij-v-yazyke-i-istorii-slavyan-i-o-psevdoyazychestve> (data obrashcheniya: 22.06.2015).
19. Perepelkin L. S., Stel'makh V. G. Chelovek veruyushchii: religiya i identichnost' // *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2010. Tom IV. S. 373–395.
20. Poletaev V. Neonatsisty ubivali iz mesti // *Rossiiskaya gazeta*. 08.06.2010. URL: <http://www.rg.ru/2010/06/08/banda-site.html> (data obrashcheniya: 06.07.2015).
21. *Prikladnaya konfliktologiya dlya zhurnalistov* / Sost. M. Mel'nikov. M.: «Prava cheloveka», 2006. 158 s.
22. *Prikladnoe religiovedenie dlya zhurnalistov* / Sost. i red. M. Grigoryan. M.: «Prava cheloveka», 2009. 254 s.
23. Sibireva O. Religioznaya ksenofobiya v SMI // *Religii i SMI: Sbornik materialov kruglogo stola 15 noyabrya 2011 goda*. Moskva; N. Novgorod: ID «Medina»; Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N. A. Dobrolyubova, 2012. S. 104–110.
24. Slovo Svyateishego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya na otkrytii Arkhiereiskogo Sobora Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi 2004 goda // *Ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata*. 07.06.2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418885.html> (data obrashcheniya: 30.06.2015).
25. Smorzhevskaya O. A., Shizhenskii R. V. Sovremennoe yazychestvo v religiozno-kul'turnoi zhizni: istoricheskie ocherki. Ioshkar-Ola: Istoriko-literaturnyi muzei finno-ugorskikh narodov imeni Valentina Kolumba, 2010. 304 s.
26. Tumakova I. Drezinu podorvali yazychniki // *Informatsionnoe obshchestvenno-politicheskoe internet-izdanie «Izvestiya.ru»*. 03.02.2010. URL: <http://izvestia.ru/news/358003> (data obrashcheniya: 06.07.2015).
27. Furman D., Kaariainen K., Karpov V. Religioznost' v Rossii v 90-e gg. XX – nachale XXI v. // *Novye tserkvi, starye veruyushchie – starye tserkvi, novye veruyushchie. Religiya v postsovetskoj Rossii* / Pod red. Kimmo Kaariainena, Dmitriya Furmana. M.; SPb.: Letnii sad, 2007. S. 6–87.
28. Khapizov Yu. Kormushka dlya rukovodstva // *MK v Dagestane*. 27.02.2014. URL: <http://mkala.mk.ru/article/2014/02/27/991369-kormushka-dlya-rukovodstva.html> (data obrashcheniya: 30.06.2015).
29. Khrul' V. M. SMI i religiya: v poiskakh integral'nogo podkhoda // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2012. № 5. S. 60–76.
30. Shnirel'man V. Russkoe rodnoverie: neoyazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii. M.: Izdatel'stvo BBI, 2012. xiv + 302 s.
31. Yazychniki gromyat pravoslavnye khramy Orla // *Informatsionnoe agentstvo REGNUM*. 01.04.2004. URL: <http://www.regnum.ru/news/accidents/240403.html> (data obrashcheniya: 06.07.2015).
32. Yashin V. B. «Tserkov' pravoslavnykh staroverov-inglingov» kak primer neoyazycheskogo kul'ta // *Neoyazychestvo na prostorakh Evrazii* / Sost. V. Shnirel'man. M.: BBI, 2001. S. 56–67.
33. Antosik, G. Rodzimowiercy a media na przykladzie polskiej prasy w 2008 roku // *Państwo i Społeczeństwo*. 2009. № 4. S. 107–114.